Антидюймовочка и её папы

Наталия Борисовна Касторф

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Жанр – СТЁБ. (Не путать с Классикой!!!)))))))))

- Наталия Борисовна Касторф
  - 1.
  - 2.
  - 3.
  - 4.
  - 5.
  - 6.
  - 7.
  - 8.
  - 9.
  - 10.
  - 11.

Наталия Борисовна Касторф

Антидюймовочка и её папы

1.

"Дюймовочка-Дерьмовочка", "Гадина-Змеёныш", "Профессорская дочка" – вы не поверите, но это всё одна и та же цаца.

Профессорский отпрыск не обязательно мальчик. А поздний ребёнок, самый любимый, самый блондинистый, самый пушистый и зацелованный, это как раз таки я, Дюймовочка! Уау!!

Кто слил профессору и его жене мою слащавую кликуху из прошлой жизни? Они, мне её быстренько назад пришлёпали. Когда я в их лажовенькой семейке родилась, мне имечко официальное, конечно, дали – что-то вроде "Лоредана" или "Гортензия". У профессоров всё с вывертом. Честно говоря, я это имечко уже не помню, и профессор с женой его тут же забыли, стали "крошечкой" меня звать. Потом перешли на "Дюймовочку".

А в школе ребята сразу сказали: "Дерьмовочка" круче!

"Дерьмовочка" – супермилашка со знаком минус.

Минус, плюс – какая разница? Я в этой жизни собираюсь гадить не меньше, чем во всех предыдущих. Но сначала надо имидж идиотки закрепить, а лучше – идиота мальчукового фасона. С идиота, да ещё и с мальчика, спрос нулевой. Практически.

Когда мой братец Дима (кстати, даун от рождения) подрос, я стала пользоваться его имиджем. Даун лучше, чем просто придурок. С дауна что возьмёшь? В профессорских семьях дауны через раз рождаются – на детях гениев природа отдыхает.

Дождавшись, когда на Димочке природа отдохнула и неоднократно, когда ему бабахнуло двенадцать лет, и он уже смог самостоятельно пойти сфотографироваться, я на его карточку Ай-Ди глаз накинула.

Но одной фальшивой ксивы было мало. Надо было выждать, когда Димулька к папе на работу начнёт шастать, высекать слезу из сердобольных лаборантов.

Когда Димульку-дауна в лаборатории уже таки запомнили (а главное – на проходной!), я как-то вечером схватила его карточку с портретиком и – вперёд, через весь город, на окраину и даже дальше…

У меня не было другого выхода. Мне в папашину секретную лабораторию надо было срочно смотаться, кое-что спереть. И совестью терзаться я не собиралась.

Профессор это "кое-что" схомячил ещё раньше у моего настоящего отца.

Профессор – мой очередной биологический родитель. Сколько у меня их было – полная чума. А основной мой папа в раю без отпуска ишачит Змеем-Кладовщиком. Не путать с Искусителем! Искуситель в подчинении у моего папаши.

В раю вообще полно змей. Откуда в раю змеи, спрашивается? Либо рай не настоящий, либо змеи липовые.

Мой настоящий папа не сволочь, не то, что профессор. Тот всё сына родного хочет куда-нибудь сплавить, якобы, на лечение.

Диме-дауну с меня тоже была польза не абыкакая. Если бы не я, ему бы даже восемь не бабахнуло, не то, что двенадцать. Его в дебильный интернат запихнуть хотели.

Я к тому времени уже полмесяца как родилась, и жена профессора стала мужа уговаривать избавиться от бракованого ребёночка. Ну, чтобы лишний раз никто не видел, как на ихних детях природа отдыхает, чтобы про выверты профессорские подольше не догадывались.

Словом, когда они Димульке соску в рот засунули (в его-то пять годков!), когда шапочку дебильную на глаза надвинули (чтобы подебильней выглядел), я такую рожу в колясочке скрючила, что они оба замерли, как парковые манекены, стали переглядываться, с Димочкой единокровным меня сравнивать.

– Неужели же это заразно?! Неужели девочка заразилась?! Так у нас в семье теперь два дауна?!

Профессор от злобы чуть монитору фэйс не расквасил.

– Дураки мы! Надо было его ещё раньше сдать в интернат, пока он младшенькую заразить не успел!

Потом сели, отдохнули и вот к какому выводу пришли: обе кровиночки одинаковенькие, обе вроде как дауны, поэтому, чтобы совсем бездетными не остаться, решили нас обоих в семье оставить. От греха. У профессоров недетородность позорней вывертов считается. Не без фальшивых вздохов, правда, дело обошлось.

2.

Скрюченную рожу я назад менять не собиралась, меня и дауновская устраивала.

Замуж мне всё равно не идти. Накой? Я замужем была неоднократно, не понравилось.

В последний раз, в предыдущей жизни, эльфы-придурки достали. Их было несколько, а не один. Сначала они ревность насчёт меня проявляли. Они же не знали, с кем связывались! Потом их тактика сменилась. Это когда уже в рай прибыли. Они в раю новички, а я им дедовщинку организовала. Потому как я там давно местная.

Когда мы в рай всей шоблой закатились… Нет, не так. Когда пятнадцать эльфов, бякая крылышками и матерясь от натуги (я им сразу сказала, что один меня не потянет!), короче, когда они все вместе запёрли-таки меня на ближайшее к раю облако, я стала срочно мозговать, как бы это от них избавиться. Чтобы уж наверняка, чтобы больше никогда не искали.

Мозговать пришлось под потасовочные вопли: "Моя невеста!" "Нет, моя!", "Я её первый на цветке заметил, когда она там вместе с пчёлками какала!.." Короче: "Моя-моя-моя!" На большее извилин не хватило.

Пока они выли, как мартовские гоблины, я смотрю: в райских кущах стоит мой самый любимый гэджет, ещё никем не спёртый, банановым листом прикрытый. Хотя и допотопная, но очень полезная водная линза от сталинского телевизора КВН, с увеличением в два с половиной раза.

Когда райский хор построился и приветливо запел: "Велича-а-аем!", я зашла за линзу и так увеличилась, что эльфы с перепугу грохнулись вповалку, прямо друг на дружку, и стали драться. Снова долго и нудно дрались, опять из-за меня, но уже с обратным умыслом. Тут они орали следующее: "Нафига мне такая жирафа!", "А ещё Дюймовочка называется!", "Под суд её отдать!", "Под Страшный суд!"..

Пока дебильчики развлекались, я исчезла в райских кущах, пошла папеньку искать.

Мой настоящий папа не просто Кладовщик. Он непосредственный начальник Змея-Искусителя.

Искуситель не только Еву с Адамом из рая вытурил, но и многих других извращенцев.

За воровство, обжорство и сексуальную распущенность.

Искуситель без начальницкой команды никогда ничего не

делает, почти никогда. В раю своя иерархия. Папа запретил ему разбазаривать райское имущество – он и не разбазаривает. По крайней мере, даром – никому и ничего, ничего и никому.

Взяточник ещё тот, жаднее моего папаши. Одно и то же яблоко нескольким парам суёт. Фишечку придумал, чисто для отвода глаз: "Возьмите яблочко, пока никто не видит! Клетчатка хорошо целлюлит разглаживает!" При чём тут это? В залах Рубенса полно целлюлита, за деньги приходят смотреть.

В раю столько нужных вещичек можно накрысить, рук не хватает, карманы лопаются, глаза разбегаются! Можно не только фруктами взять – новейшими достижениями нечеловеческого интеллекта можно безвозмездно отовариться.

Искусителю моим папашей велено все глазки воровские в одну кучу собирать, на уценённых яблоках фокусировать. Как кто сворует яблочко, даже ещё толком надкусить не успеет, так сразу Искуситель его хвать – и вон из рая.

А Змей-Дискжокей, сидящий за кустом под роялем, врубает самый позорный рэп и орёт невыносимо:

– В муках детей своих рожать будете!!!

Текст ни разу не поменялся. Хотя нет, один великий нобелевский лареат поимел-таки от Дискжокея эксклюзив. Он, как и многие другие, не выдержав смертельной райской скуки, сам из рая обратно на волю попросился.

Сначала у нобельца было всё хорошо. Другие покойнички на тот свет ничего с собой не тащат, а ему разрешили нобелевку взять – в виде исключения. Но он не заценил поблажку, развонялся.

3.

Рай моего папы ничего общего с Вечной Жизнью не имеет. Очередная проверка на вонючесть, перевалочный портал. Если до него жить невозможно, то в нём уже таки намаешься по полной. Засахарят тебя там, заванилят, засиропят, замусюсюкают, заколыбасят.

Если всё это выдерживать лет пятьсот, то продвинешься дальше – туда, куда все райские мечтают пролезть, отдельной самоуправляемой тарелкой полететь.

– Пятьсот лет! Надо же! – вздыхал над карамельно-мятно-безалкогольным пуншем райский пленник. – Адам не захотел терпеть, так почему я должен?!

Короче, нобелевец сник и завонял. Он, наконец, врубился, что до рая было жить гораздо легче, во всех смыслах. А тут – ни лаборанточек, ни сауны в подвале института, ни денатурата в колбочках, ни пива "Стэлла Артуя". Короче… Ужас!

– До тарелкодрома далеко, – рассуждал посахарённый узник рая, – никакой премии на такси не хватит. Да и тарелок может не хватить, вдруг зря поеду…

Тут нобелевский ошибался. Из имеющихся на тарелкодроме семи посудин активно вылетали в Вечность только две. Отстальные пять хронически простаивали. Из-за таких, как он.

Змею-Искусителю от него большой прибыток был. Он нобелевскому страдальцу (тайком от папы!) рюмку за кустами наливал, где рояль. Он не боялся ничего и никого, никого и ничего, кроме недостатка денег. Но никакая премия не бесконечна, пусть даже нобелевская.

Как пронюхал Искуситель, что у ванильного грустилы денежки закончились, так сразу стал издеваться, яблоко по четыре раза в день предлагать: в завтрак, в обед, в полдник и в ужин. А когда услыхал, что тот демонстративно из рая просится на волю, вышвырнул его вон и без яблока. А Дискжокею приказал побольнее нобелевца кольнуть, поунизительней унизить.

Детей рожать нобелевец не собирался, он их терпеть не мог, поэтому и отходняк ему придумали с поправкой:

– Голубей кормить будешь!!!… В муках!!!

Лауреат сначала ничего не понял. Вернувшись, он благополучненько опять родился, много раз женился, потом развёлся (много-много раз). Ну, и так далее, ничего особенного.

Но его старая, самая-самая первая жена, неожиданно мозгами двинулась, заделалась сперва кошатницей, а потом и

голубятницей.

Голуби жрали всё только с рынка, в крайнем случае из "Елисевского", гадили в титановые унитазы с инкрустацией. Поэтому кошатница, она же голубятница, очень скоро обезденежела, продала два "мерседеса" (свой и домработницын), всю мебельную обстановку, а также домик на Рублёвке в стиле "Органза", подаренный унизившим её супругом на сорокалетие. Пришлось обратно идти в суд, подавать на алименты, на повышенные. Вот тогда-то нобелевец и узнал, что такое голуби.

4.

Мой папа размножается усыновлением. Когда хочет девочку – удочерением. Недавно плёл мне, что я его единственная дочь. Но я-то знаю, что нас, как мимнимум, две.

На одной крутейшей райской вечеринке его назвали Лжецом и Отцом Лжи, да ещё и выпили за это. Помню, папа дико улыбался, топорщил пальцы, гладил праздничную чешую, но недоволен не был.

Ладно, одна, так одна. Ложь ведь не человек. А что он Лжец, проверено неоднократно.

На правах единственной дочери я беру в раю всё, что хочу. Если он орёт: "Положь на место, мерзавка!", это значит, что украденный гэджет надо срочно где-нибудь применить, испытать на ком-нибудь, пустить в дело, раз уж своровала. А когда идёт добавочка: "Совсем отца не уважаешь, гадина!", то можно и на премию в конце рассчитывать.

Когда я шарила под райскими кустами в поисках игрушек, или гэджетов, он демонстративно отворачивался. И хвост тактично поджимал, чтобы я об него не спотыкалась. Иногда вообще хвостом обматывался, чтобы показать, что не тронет меня. Стоял, весь туго перетянутый, как беспомощная гусеница. Я нигде больше не видела, чтобы с собственным хвостом такое вытворяли.

Перед тем как лететь к профессору, для внедрения в его лажовую семейку, воровать мне ничего не пришлось – задание сильно отличалось. Я должна была не применить своровaнный у папы гэджет, а, наоборот, найти то, что профессор своровал у него много лет назад, да так ловко, что никто ничего не понял. Даже я не заметила.

Профессор, как вы догадались, и был тем самым нобелевцем-лауреатом, которого за пьянку и за неспособность расплатиться с Искусителем вышвырнули вон из рая.

Лауреат перед изгнанием вонял сильнее, чем обычно, поэтому Змей-Искуситель всё время отворачивался. Ну, и доотворачивался.

В числе всяких полезных штучек, которых папе, в принципе, не жалко, нобелевец утащил универсальный переводчик мыслей со всех земных и неземных языков. Папе его тоже, в принципе, не жалко, но пока такой аппарат апендаунерам вреден.

"Апендаунеры" (пошло от "up-and-down") – это те, кто туда-сюда мотается – и в раю им противно, и на земле не живётся.

Кто ещё только вверх, в рай летит, то есть, аперы, ведут себя

спокойно, почти не матерятся, почти не курят, к вечной жизни готовятся, о душе думают. Зато те, кто уже выписался из рая, они же даунеры, полное чмо. Им уже готовиться как бы некуда, разве что, вниз лететь, непристойно вякая, в самое пекло, в болото, в какашки.

Кстати, носятся по кругу апендаунеры с удовольствием. Ап-энд-даун.

Я апера от даунера отличаю запростяк. Дети-дауны только в даунеровских семьях рождаются, когда оба родителя скрытые дауны.

Аперовская профессура, в отличие от даунеровской, гениев ещё рожает, к ним природа отдыхать пока не просится.

Перед тем как снова родиться, после выписки из рая, нобелевец поспешил на Всемирный Конгресс – пресс-конференцию давать. Забыл, что все видели, как его в гробу похоронили.

Влетает он в зал, отталкивает лектора и орёт: "Люди! На том свете денежки не нужны! Не смейте брать с собой! Хуже будет!!!" Все испугались, а потом подумали-подумали, и до конца дослушали. Покойничек подробно рассказал, как над ним в раю изгалялся Искуситель.

После этого все денежные люди, банкиры, сутенёры, менеджеры манилондринга и прочие крутые, повынимали свои бабки из других проектов и засунули в один – для полёта в Вечность в обход рая. Потом маршировали с лозунгами: "Минуем серпентарий!", "Долой змеепоклонство!", "Не отдадимся в лапы сахарных идолов!" Они были не в курсе, что без предварительного тренинига в Змеюшнике в Вечность их не пустят, тут же арестуют и отправят к папе в рай на марципаны.

5.

Выступив на Конгрессе, покойничек обратно умер, свалился прямо на трибуне, одновременно родившись в Москве в семье даунеровского бутылочника.

Бутылочник, разбогатевший на приёме у бомжей пустых бутылок, дал сыну приличное образование, но хороших манер не привил. Он и сам в них дико нуждался.

Выучившись в университете, защитив две диссертации, бывший нобелевец, ныне сын бутылочника и безработный кандидат наук, вдруг ночью видит сон, будто он великий нобелевский лауреат и закапывает райские гэджеты в подмосковном лесу под баобабом. Бабобабов под Москвой не так уж много, поэтому проблем с кладоотысканием не было.

Среди гэджетов, найденных в лесу, было много нужного: – зажигалка для сжигания мусора в любых количествах на всей планете за две секунды; – безразмерная дымка-невидимка для поглощения вонючих отходов на всей земле за один час; – кинотеатр размером с компьютерную мышку для просмотра фильмов уже готовых и тех, которые только собираются снимать…

Список можно продолжать, а смысл?

Сын бутылочника обошёлся с папиным добром похабно. Дымку-невидимку измельчил, изрубил на мелкие кусочки, наделал фильтров для голландских самокруток, зажигалку выбросил за нефирменный вид, а кинотеатр у него украли голливудовцы, пронюхав про такую ценную халяву. В итоге он остался всё равно голый-босый, со своими грёбаными диссертациями.

От этих потрясений у него открылся третий глаз, и он начал гадать цыганам на улице.

Цыгане были ему сильно благодарны. На эти деньги он сумел обеспечить не только первую, самую старую жену, кошатницу-голубятницу, но и много-много других жён, как своих, так и чужих.

А началась эта улётная карьера не без помощи ребёнка, хотя детей он дико ненавидит.

Как-то в вестибюле крутой гостиницы, битком набитой учёными иностранцами, он увидел рыдающего цыганского мальчика.

Откуда в такой крутой гостинице цыгане, да ещё и рыдающие, да ещё и мальчики?!

Любопытный сын бутылочника напоил мальчика шампанским (еле-еле сдерживая детофобию), дал закурить, и тот поведал ему своё горе. Гостиничный банщик не разрешил ему прыгнуть в бассейн, даже один раз нырнуть не дал. Вымогал сто долларов, которых пока не было, а в долг купаться он никому не разрешал, тем более цыганам.

– Где ты живёшь? Где твои папа и мама? – спросил будущий профессор.

– Папа живёт здесь, в гостинице…

– А мама?

– Мама тоже живёт в гостинице, но…

Оказалось, что у папы с мамой брачный договор неграмотно составлен. Если мама вечером приносила с улицы две тыщи баксов, ей полагалось войти в полулюкс, принять душ и даже переночевать. А если нет…

Что бывает, когда "если нет", мальчик не успел сказать. Из бильярдной выкатился его папа. Не просто выкатился, его вывели под руки охранники. Вероятно, тоже за долги.

Показушно испугавшись за судьбу этой семьи, забыв про детофобию, будущий профессор побежал разыскивать маму мальчика.

6.

Мама нашлась быстро, в близлежащем переходе, как раз брала зелёную двадцатку из рук участника научного конгресса.

Участник был с толстыми линзами в очках, и линзы эти мешали ему видеть, что он конкретно тащит из бумажника.

Цыганка орала, что двадцатки недостаточно, что если все так будут подавать, её семья не выживет в такой гостинице, а из другой ей ездить на работу неудобно. Но иностранец не понимал по-русски.

Дождавшись, когда уйдёт подслеповатый фраер, будущий профессор подошёл к цыганке, чтобы её показушно утешить, но вместо этого стал… непоказушно вещать!

Благодаря этому вещанию, семья цыганёнка приподнялась, нашла более хлебное место, чем пятизвёздная забегаловка, набитая очкастыми занудами.

Слух о талантах бутылочника-младшего разнёсся по Москве и за её пределами, к нему начали валом валить, записываться в очередь. Пришлось открыть бюро, нанять десяток секретарш, чтобы отвечали на звонки, и ещё десяток, чтобы репетировали роль его будущей супруги.

Всё это привело к тому, что будущий профессор стал настоящим – путём покупки дорогих учёных титулов. Но бросать основную работу он не собирался. Даже сто реальных профессоров не в состоянии иметь такие деньги, к которым он привык.

В лабораториях профессор появлялся редко, да и то не для работы, а для шашней с лаборантками. За это секратарши на него обиделись, бросили репетировать роль жены, и стали все его научные секреты выдавать, раздавать направо и налево.

На это-то я и рассчитывала. Где ж мне было искать папин гэджет, как не в занюханных лабораториях бутылочника?

Судьба суперсекетного папиного гэджета, универсального вселенского мыслепереводчика с разных языков по-прежнему была не ясна. Профессор про него никому никогда не рассказывал, никому не показывал, на кусочки не рубил и не выбрасывал, не терял и не дарил… Хм. Странно! Честно говоря, я даже не спросила папу, как этот мыслепереводчик выглядит.

Изо всех лабораторий я сначала выбрала одну, самую ближнюю, всего-то двести сорок километров от родного дома. В ней профессор появлялся чаще, чем в других.

Димульку я туда сто раз возила на такси, типа с коллективом

познакомить, чтобы потом по его карточке легко было пройти. Оставалось, надев любимый гэджет (кроссовки-невидимки), тайно выскользнуть из дома. В лаборатории я собиралась сдать кроссовки гардероб, так как в них меня могли чем-нибудь химическим полить, не зная, что я рядом.

Всё было продумано до деталей, но сначала надо было сделать контрольный вылет. С прилётом назад через полчаса, для проверки.

Я не о том волновалась, что меня разыскивать станут, нет. Одним дауном в семье меньше – тотальный праздник с приглашением соседей, поеданием торта и распитием шампанского. Кто будет добровольно дауна искать, когда так крупно повезло в кои-то веки? Я волновалась за Димульку. Профессоры, вроде, привыкли к нему, но… Зная подлый характер даунера-профессора и его жены, тоже явной даунерши, не мешало и подстраховаться. Одно дело, когда мы оба тайком на такси в институт мотались, а другое – когда Димочка с ними остался один на один…

Отлетев от дома не очень далеко, всего на десять километров, я стала потихоньку возвращаться. Подлетаю к родимому гнезду, гляжу в окно на родимом этаже…

Батюшки! Не прошло и получаса, а они уже опять куда-то Димочку готовят! Но уже без соски во рту, а с тарелкой торта перед носом. У тарелки – два батона хлеба, разрезанных вдоль и толсто намазанных маслом.

Вот оно что! Булимию шьют ребёнку, обгадить окончательно хотят, дискредитировать на сто процентов, чтобы со всеми потрохами уже в другой интернатик сдать, для более взрослых даунов. Видимо, решили, что я потерялась насовсем, очень удачно пропала и больше никогда не вернусь.

7.

Димочка, конечно, кушал с удовольствием, так как его обычно голодом морили, а в это время – р-р-раз! Толстый доктор в белом халате в комнату с чемоданчикм завалился.

– Где тут даун? – сходу спросил он, а сам даже обувь не снял, хуже любого дауна.

Профессура кинулась к нему, тряся купюрами. Мол, забирайте срочно в интернат, там, на месте, всё сами и выясните. Был у них ещё страх, что я не совсем пропала, что вернусь и не дам преступление совершить.

Доктор был не только скрытый даун, он был жучила ещё тот.

– Извините, рано денежки суёте! Тут подробный диагноз надо ставить!

– Как это – "рано"?!

Изверги так возмутились, что даже судорогами пошли. Чтобы про денежки – и "рано"?!

Такого мата-перемата они ещё не слышали.

Но доктор непреклонно продолжал заниматься вымогательством.

– Вы что – не видите? Ребёнок кушает! Пускай сначала доест!

– Вот-вот! – забилась жена профессора, как рыба в железной сетке. – Тортовая зависимость! Булимия!

– Жрёт с утра до вечера! – добавил муж жены профессора.

Доктор жизнерадостно распахнул халат, и стало видно, что он совсем не толстый.

Всё его тело было обмотано трубочками, которые шли от непонятных контейнеров с непонятным наполнением. Доктор весь обмотался трубками, как мой папа хвостом.

Стало ясно, почему доктор казался упитанным. У него под халатом был толстый слой войлока, а под ним, в мягких плоских контейнерах, на животе, на спине и на худых боках висели… тортики! Не традиционные, не в коробках, а в виде полуфабрикатов – сухих бисквитных крошек, нескольких видов кремов – заварных и масляных, а также в виде ликёрной пропитки, которая тоже была нескольких видов.

От контейнеров к большому клеёнчатому слюнявчику шли трубочки разного цвета.

Наконечники трубочек были снабжены металлическими колпачками, а те, в свою очередь, крепились к большой магнитной бляхе, расположенной там же, на слюнявчике. Снять халат, надеть скафандр – и готов космонавт к полёту!

– А войлок зачем? – удивился профессор.

– Для звукоизоляции. Крошки всасываю легко, без проблем, а тяжёлые крема приходится подкачивать насосом. Шум насоса, к вашему сведению, нарушает аппетит!

Образовалась пауза, которой доктор не преминул воспользоваться.

– Так что же это получается, а? Я тоже даун, раз торты люблю?! Да, и у меня тортовая зависимость имеется, но это ещё не повод сдавать человека на лечение.

Жена моя тоже пыталась меня сдать, но у неё ничего не вышло. И у вас ничего с этим делом не выйдет, даже не пытайтесь! Дело ваше безнадёжное, уверяю вас!

Переедание не грех, а слабость! Вот! Так что, давайте ставить ребёнку другой диагноз, а то я домой спешу, дело к вечеру клонится…

Доктор присосался к нескольким трубочкам сразу, дав понять, что время чая с тортом наступило.

Жена профессора метнулась в кухню – чайник ставить, а профессор схватился за голову.

Порядок! Настала моя очередь фокусами удивлять…

8.

Увидав меня в окне на фоне звёздного неба, одну, без вертолёта и даже без пропеллера на спине, профессор с женой ни грамма не удивились, как это я оказалась на подоконнике третьего этажа, да ещё и со стороны улицы. Мой фокус, по сравнению с докторским, их совершенно не потряс. Они не расстроились, а наоборот, стали дико радоваться (снова показушно, чисто для соседей), что у них теперь снова два дауна, две кровиночки, так что нечего мелочиться и разбазаривать детей по интернатам!

Доктор удалился, на дорожку затянувшись тортиком из трубочек и наспех допив чай.

Он не любил, когда портили аппетит шумовыми эффектами.

Меня с Димулей тут же отправили спать.

Димуля засопел уже через минуту, а я всю ночь ворочалась, думала, как дальше поступать. Как хорошо, что я проверочный вылет сделала! А то бы вернулась – и на тебе, братишки нету.

Бросать каждый раз ребёнка одного, с кровожадными профессорами, было глупо. А не летать по институтам, не разыскивать папин гэджет – чревато. Папа мог не понять.

С другой стороны, профессор по своему недоумству столько полезных гэджетов уничтожил, что и этот мог спокойно выбросить, поломать, подарить, отдать даром…

Чёрт! Как же он, хотя бы, выглядел, этот крутой переводчик мыслей?

Нет, думаю, не полечу я больше по лабораториям, а то из-за какого-то паршивого аппаратишки потеряю брата. Пусть папа думает, что хочет, а я скажу ему, что дебильный профессор этот переводчик американцам продал. Пускай в Америку меня шлёт, внедряться в штатовскую семью учёных. Кстати, я в Америке никогда была.

Вот и побываю!

Побывать-то в Америке побываю, думаю я, но только при условии, что профессура нас с Димочкой ещё раньше не угробит. Кто знает, что у них на уме? Вдруг они нас убить-отравить решилия, к папе в рай раньше времени отправить? От даунеров ждать чего-либо другого трудно. Даунеры хуже даунов. Дауны хоть безобидные.

Утром я, как и решила накануне вечером, не отходила от Димули ни на шаг. А он, сопливенький толстячок, даун конопатенький, так и лыбится, так слюнки и пускает…

– Радуешься, да, что я тебя спасла?

Он кивнул, но ничего не сказал, так как никогда толком говорить не умел. Мычал-гундосил только, как молодой бычок или как старенький унитазик.

В ушках у ребёночка с утра были наушнички. Правильно, большой ребёночек, двенадцать лет, тинейджер, а тинейджеры обожают музычку слушать. Только… где музычка? Проводочек от наушничков тянулся… к авторучечке!

Ну, и это правильно, думаю, зачем дауну музыка, а так и ручечка не потеряется, и наушнички далеко не убегут, если свалятся. Таким макаром некоторым детям варежечки к пальтецу на тесёмочках через воротничок привешивают!

Нет, дай, думаю, всё-таки, послушаю, что там, в этих наушничках, интересно же…

В ответ на мои мысли Димуля радостно кивнул, будто понял меня. А я всегда была уверена, что он не полный-кромешный дебил!

Сняла я с него наушнички, надела себе. А ребёночек великовозрастный мне ещё и авторучечку протягивает, на, мол, возьми, поиграйся!

Взяла, не стала спорить с жертвой вчерашнего страшного покушения.

На авторучечке я увидела кнопочки разных цветов. Только собралась нажать на красненькую кнопочку, а наушнички как заорут: "Не трогай, гадина!" Голос, вроде, не папин, а… чей тогда?

Огляделась я по сторонам – никого. Странно! Снова собралась на нажать на кнопочку – снова слышу то же самое, только ещё хлеще в два раза. Полная чума!

– Кто тут?! – опять не выдержала я.

– Я, идиотка, я!!! – снова раздался голос в наушниках. А голос-то какой-то странный, хрипловательский… Детско-подростковый!

– Кто "я"?! – стала я тоже возмущаться.

– Брат я твой, вот кто…

– Дима?!

Смотрю я на Диму, а он улыбается, слюни пускает, молчит, как олух…

9.

Короче, этот ужас прояснился через пять минут. Брат мой, кровиночка, Дима-даун, разговаривал со мной нормальным человечьим языком через наушники. Грубиянил, правда, страшно, но папа-Змей нас, гадёнышей своих, учил именно так друг с другом общаться, чтобы мы не сюсюкались друг с другом, не отвлекались, а дело делали. Вы не поверите! Димулька, помимо всего прочего, оказался моим братом не только по профессорской линии, но и по основной, по змеиной.

Дело в том, что папа Димочку с таким же самым заданием (найти мыслепереводчик) в эту семью раньше меня внедрил, да не учёл, что в даунеровских семьях часто дауны рождаются. Я-то искусственный даун, добровольный, крепенький-здоровенький. У меня только рожа, как у дауна, а он – даун поневоле, хиленький, пухленький, маленький. Какой из истинного дауна сыщик? Хотя… Раз мыслепереводчик сохранился, не был выброшен, это его заслуга.

Стало быть, Дима мой брат вдвойне! И по профессорской линии, и по основной, по настоящей!

От такой радости я на него набросилась и стала целовать, обнимать. А он меня всю сопельками перемазал. Вот это да! Такого поворота даже в мультах японских не бывает! Даже в тех, от которых Димочка страшно тащится!

Я снова с ним заговорила, но он вдруг почему-то замолчал, опять не отвечал ни слова. Интересно! Я спасла его от интерната, от верной смерти спасла, а он дурака валяет!

Но тут опять всё сложней оказалось, чем я себе могла представить. Голос в наушниках появлялся только тогда, когда авторучка была направлена на источник мыслей! Димочке даже пришлось притянуть меня за рукав, пока конец авторучки не уставился ему в пузико. Тогда я снова его услышала!

Нашёлся-таки папин гэджет, украденный профессором задолго до моего рождения.

Авторучка с секретом, которая читает мысли, да ещё и на разных языках, на всех земных и на всех неземных, надо только знать, на какие кнопочки жать. Дима, и тот не все кнопочки знает, а я вообще пока не разбираюсь, так что, лучше не трогать лишний раз, пока папа сам всё не объяснит.

Интересно, как это профессор авторучечку не выбросил? Беречь такую мелочь не в его духе. Этот ни на чём не экономит, вон сколько жён развёл!

Минуточку, если профессор не жадный, то значит, не такая уж он и сволочь? Может, не станет нас убивать,а?

Следущее утро показало, что очень даже станет!

Пока я в ванной умывалась, профессор заходил к нам в спальню, разговаривал с Димулькой. Прихожу – а мальчик весь в слезах, сопельки длинней обычного. Ну, я сразу за наушники: "В чём дело?" Оказывается, подлец-профессор, пока меня не было, подошёл к Димульке близко-близко, больно ущипнул его и ядовито, прямо в ухо, зашептал:

– Всё равно урою тебя, дебил, и сестричку твою, идиоточку, тоже пристрою, не волнуйся!

Димочка мне это через наушнички говорил и синяк на пухлой ручке показывал. Я была в шоке. Что делать?

Делать, на счастье, нам ничего не пришлось. Всё за нас с Димулькой сделали цыгане. Сами вытащили профессора из дерьма, сами же и обратно засунули.

Тем же самым солнечным днём, утром которого он Димочку пугал и меня довёл до истерики, профессор стоял на улице и гадал цыганам. В офисе ему не гадалось – адреналин не тот, не то вдохновение. Для уличного гадания он одевался как пугало, хуже любого зачуханого цыгана – зуб золотой из фольги прилеплял, серьгу в ухо вдевал, кудрявенький паричок цвета воронова крыла нахлобучивал. В таборе таких держать надо!

Табор тоже подвалил, не задержался, человек сорок. Всем цыганам нетерпелось ясным солнечным днём узнать о своём солнечном будущем, о грядущих доходах, как в иностранной, так и в местной валюте.

Цыгане так орали, так голосили, что близлежащие постовые милиционеры тоже целым табором набежали, облаву им устроили.

В этой суете одна цыганка, не успевая расплатиться баксами, подарила нашему профессору свой шахидский пояс.

10.

Профессор телевизор смотрел редко (только порнуху по видео), поэтому цыган от террористов отличал с трудом, а та облава была как раз на террористов. Вовсе не на крики цыганские прибежали милиционеры, а по наводке с Лубянки. Вот так.

Когда жена профессора помчалась к нему в обезьянник, типа отмазывать, я уже знала, что у неё ничего не получится – речь ведь шла о терроризме. Но дура всё равно, на всякий случай, деньги понесла.

Мы, конечно, могли бы под шумок и смыться. Денег у нас было достаточно, папа мне деньгогенератор всегда подкидывал в последнюю минуту, перед самым вылетом из рая.

Но тогда бы мы надолго остались детьми садиста-зэка, которому ещё и передачи носить надо. А вдруг коснётся мне замуж идти, несмотря на то, что я даун, у кого тогда благословение брать?

Мне срочно захотелось поменять папашу-лоха на кого-нибудь приличного. И я таки придумала выход! Я подумала: переселю-ка я нашего профессора из милицейского обезьянника в настоящий, а там и до пекла рукой подать!

Перед самым пеклом необходимо в шкуре какого-нибудь животного побывать, обратную эволюцию совершить, чтобы потом совестью не угрызаться. Если я, конечно, ничего не путаю. Помню, папа что-то такое говорил.

Зоопарк не тюрьма, передачи часто носить не надо, хватит и одного мешка корма в год. Даже если подходящего папашу взамен не найду, там же, в зоопарке, то хоть поиздеваюсь над профессором, метлой его потыкаю. Чем иметь такого папу, лучше уж макаку или павиана гомодрила!

Суд над профессором-террористом был открытый. Кроме основных свидетелей, пришли и голуби. Им хотелось посмотреть, чем дело кончится, и будет ли кто-либо когда-либо платить им какие-либо алименты.

Кошатница тоже пришла, но отдельно от них. Ей надоела любовь "а труа", тем более, что впроголодь. На одних анчоусах, бананах, курах гриль и авокадо.

На правах самой первой жены преступника, она предъявила суду свои последние, уже давно дырявые колготки. Штук пятьдесят.

– Вот! Нету других! Дожила! – сказала старая кошатница, в прошлом очень активная голубятница. О голубях она уже не

думала, ей бы свои алименты защитить.

Колготки были выстираны дозой "Ариэля", но это им не помогло. Заседатели схватились за платочки, приложили вместо глазок к носикам, а судья вынес гуманный приговор: "Заменить смертную казнь через повешение пожизненной отработкой в качестве уборщика в зоопарке".

В своём последнем слове подсудимый попросил, чтобы его повесили, но его никто не послушался. Это я судью подбила на гуманность к папе! На такое дело денег мне было не жалко.

Показания главной свидетельницы, предъявившей недостававшие вещдоки – древние колготки, потрясли зал. Все признали приговор справедливым. Кроме голубей. Те от безнадёги окончательно поголубели, ушли прочь, демонстративно под ручку, и поклялись больше никогда не связываться с кошатницами.

Устроить папу в зоопарк дело не хитрое, а вот найти другого, там же, на месте, практически невозможно. Но только не для меня. Я давно уже присмотрела профессору замену.

Как-то утром, перед самой школой, я заметила симпатичного шимпанзе с томиком Достоевского в руке. Шимпанзе-то шимпанзе, а фамилию "Свидригайлов" выговаривало!

Что ещё меня купило, в другой руке шимпанзе держало русско-английский разговорник. Ба! С таким папой до Америки – два раза пукнуть!

11.

Профессор-лох, он же террорист, работая уборщиком, совсем морально опустился, не то что "Свидригайлов", даже "Ведьмак" не всегда выговаривал, свою последнюю и главную фамилию. Когда чётко произносил, а когда и с перерывами: "Ведьма-ка-ка-ка-ка-ка-как!" Деградация была вполне нормальная, как раз такая, как надо перед пеклом, перед болотом, перед какашками. Обратная эволюция успешно продолжалась.

Через две недели профессора хватало на одну тираду: "Что, скотина вонючая, бздишь? Очко взыграло?" Так он приветствовал в ходе раздачи пищи ни в чём не повинных животных. Ещё и замахивался на правах хомосапиенса. Правда, льву, тигриной клетке и крокодилу он делал исключение: не матерился, не замахивался и не заходил вообще. Всё тащил через решётку, и пищу на палочке, и уборщицкую метлу. Метла выходила из строя почти каждый день, вычеты с него зарплатные росли, кошатница в первом месяце рисковала не получить ничего из алиментов.

Все томились этим непонятным положением, и профессор, и животные, и мы с Димулечкой, и шимпанзе, которое уже вместо "Свидригайлов" выговаривало "Очковзыграйлов", при этом дико плюясь, что с обезьяны возьмёшь…

Но неожиданно ситуация продвинулась. Как-то утром профессор зашёл к шимпанзе и услышал:

– Хау ду ю ду, мистер Очковзыграйлов!

Шимпанзе тренировалось, оно просто хотело показать, как его будут приветствовать в Америке, когда мы, все втроём, по облегчённой зоовизе, туда эмигрируем:

Димочка, я и он.

Но профессор не понял юмора, раньше времени запаниковал и запросился прямо в болото, в кромешный ад, в ка-ка-ка-ка-кашки. Раз уж повешенным быть не судилось.

Обратную эволюцию он дальше продолжать не собирался.

Я выполнила его просьбу, применив к нему папин гэджет, возвращающий всем желающим апендаунерам их первоначальный дарвиновский вид, превратила в одноклеточное растение. Тем более что голос папы-Змея как раз таки вчера в ушах звучал, когда я этот гэджет пальцами в кармане шевелила.

– Положь, мерзавка! – сказал мой невидимый, но самый настоящий папа. – Совсем отца не уважаешь, гадина!

Так как он Лжец и Отец Лжи, это означало, что, отправив профессора в болото, я ещё и премию получу в конце. В виде

бесплатного и беспосадочного полёта в гости к подруге Рите, в Первую Вечность, где она жила и работала стюардессой на летающих тарелках.

Тем же гэджетом, что я уделала профессора, я переделала и шимпанзе. В человеческую особь превратила, провела совсем не бОльную, малочувствительную депиляцию, приодела во всё американское, проверила кандминимум по английскому и по знанию достоевской терминологии.

После этого шимпанзе руку в карман – а там паспорт с нашими детскими фотографими, плюс виза групповая, много-многократная, не только в Штаты, а вообще куда захочешь, а также пачка зубочисток много-многократного использования.

От этого Очковзыгрaйлов вообще заговорил и попросил немедленно переделать его русскую фамилию на американскую.

Между прочим, слово "очко" с ударением на первом слоге означает "глазик". Так и получился заграничный папа с нежно-западной кликухой "Микки Ай". "Микки" – в честь Микки Мауса, по желанию Димочки.

Прилетев в Америку, мы купили дом в Лонг-Айленде, сделали папаше Микки окончательную операцию по устранению мимических морщин, приобретённых в клетке в результате улыбания туристам и дикохохотания.

Хотели также Димочку слегка подправить, из дауна в принца превратить, но он не разрешил, сказал, что Рита больше любит кругленьких, с маленькими глазками, с конопушками и с длинненькими слюнками. Такие парни в Первой Вечности нарасхват – всем не хватает. А люди на вешалках, то бишь на скелетах, Рите вообще никогда не нравились. Она ведь теперь бестелесный и почти что совсем бесформенный дух. У Димочки с Ритой давнишняя взаимная любовь, а я не знала.

Мы с Димочкой оба в отпуск намылились, к Рите, в Первую Вечность, но наш начитанный папаша, новоиспеченный американский бизнесмен со знанием достоевской терминологии, внезапно запросился на литературный конкурс "Большая книга", в Москву, в Дом Пашкова, на получение главной премии. Ему кто-то сказал, что признание надо получать сначала за границей, а не дома, в Штатах, что без московской премии он обыкновенный американский лох и пошлый графоман.

Но мы его отговорили, сказали, что, если все писателями станут, то кто работать будет.

Папа Микки Ай с огромным скрипом, но согласился. (Продолжение следует)

This file was created

with BookDesigner program

bookdesigner@the-ebook.org

18.11.2008